

Дунай (12)

Во стольнѣм во городи во Киеви
Да у ласкова князя да у Владимира
Заводилосе столованьѣ, поцесьѣн пир
Да про многих-то князей да многих бояров,
Да про сильних-могущих всих богатырей,
Да про тех палениц да приудалыя,
Да про тех про купцей-гостей торговыя,
Да про тех про хресьянушок прожитосьних.
Ище долог-от день идѣт ко вечеру,
Красно солнышко катицьсе ко западу,
Да ко западу катилосе — ко закату.
Подавал где Владимир по цяры пѣрвоей,
Подавал где Владимир по цяры втѣроей,
Подавал где Владимир по цяры третъей нонь.
Наливал где Владимир цяру зелена вина
(Ище та же нонь цяшка — да полтара ведра!),
Принимал где Владимир да единой рукой,
Выпивал где Владимир да к едину духу.
Ище тут где Владимир-от весѣлой стал:
По светлѣй где грыни да запохаживал,
Сам он резвыма ногами да принатаптывал,
Он как русыма кудреми да принатрехивал,
Да как белыма руками да прирозмахивал,
Он ведь нежныма перстами да надшевеливал,
Он златыма перснями да принащалкивал.
Из рецей где Владимир да выговаривал:
«Уж вы ой еси, мои да князя-бояра,
Руськи сильни-могущи вси богатыри,
Ище те паленици преудалыя,
Ище вы же купци-гости, люди торговыя!
Ище ездите, торгуете по иным местам,
По иным где местам да по иным странам —
Да не знаите ле невесты мне богосужоной:
Да ростом она — да как с миня вышком,
Брови черны у ей — да как у соболя,

Оци ясны у ей — да как у сокола,
Ище рець-та у ей — да лебединая?»
Ище спрашивал Владимир-от по первой раз,
Ище спрашивал Владимир да нонь по второй раз,
Ище спрашивал Владимир-от по третьей раз.
Ище больш-от хороницьсе за средньёго,
Ище средьн-ёт хороницьсе за меньшого,
Да от меньшого нонь — да как ответу нет.
Из того же из места да из высокого,
Из того же из места да сэред лавици
Выставал-то удалой на резвы ноги,
Да по имени Добрынюшка Микитиц млад.
Говорил где Добрынюшка да таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир стольнё-киевской!
Не изволь ты миня да казнить за слово:
Не сади-тко миня да в темны погреба,
Не ссылай-ко миня восылки дальнея.
Я не сам где видал — да от людей слыхал,
Да слыхал от Дуная да от Иванова!»
Тому слову Владимир да не ослышилсэ.
Нарежал он голей да всё кабацкия —
А выпускали Дуная да вон из погреба.
Выходил-то Дунай да на белой свет,
Да на белой где свет, да на Светую Русь.
Приходил-то Дунай да во светлу грыню —
Он крест-от ведь клал да по-писаному
Да поклоны-ти вёл да по-уцёному:
«Ище здрастуй, Владимир да стольне-киевской!
Ище здрастуйте, все да князя-бояра,
Ище сильни-могущи да вси богатыри,
Ище те паленици да приудалыя,
Ище те же хресьянушка прожитосьни!»
Да садил где Владимир да за дубовой стол,
Наливал ему чару да зелена вина
(Ище та была цяшка — да полтара ведра!) —
Принимал где Дунай да единой рукой,
Выпивал где Дунай да к едину духу.
Наливал где Владимир да цяру вторую,
Наливал где Владимир да цяру третью нонь.

Да Владимир-от нонь да розговаривал:
«Ище ой еси, Дунай да сын Ивановиц!
Да бывал-то ты, Дунаюшко, во всех местах,
Да бывал ле, Дунаюшко, во всех землях,
Да бывал где, Дунаюшко, во всех ордах.
Да не знашь ле ты невесты да богосужоной:
Брови черны у ей — да как у соболя,
Оци ясны у ей — да как у сокола,
Ище рець-та у ей — да лебединая,
Ище ростиком нонь... да как с миня вышком?»
Говорыл-то Дунай да таково слово:
«Уж ты ой еси, Владимир стольне-киевской!
Не изволь ты миня да казнить за слово:
Не сади-тко миня да в темны погреба,
Не сылай-ко миня восылки дальния!..
Ище жил я во городи во Шахови,
Да во Шахови в городи, во Ляхови,
Да служил королю да ляховиньскому
(Да немного я жил — да ровно деветь лет!),
Ище было у короля да нонь две доцери:
Ище перва — Настасея да королевисьня,
Ище вторая — Опраксея да королевисьня.
Настасея-короле(ви)сьня поленицей есь,
Ище ездит-де она да на цисто полё.
Опраксея-та сидит да она в горници:
Ище некак до ей да как добрацьсе там!..
Говорил где Владимир таково слово:
«Окрое Вас, как ехать да боле некому!» —
«Уж ты ой еси, Владимир да стольне-киевской!
Ище дай мне-ка Добрынюшку Микитица!»
Ище стали удалы да собиратисе.
Отправлелись они да нонь из Киева,
Приезджали нонь ко городу ко Шахову,
Да ко Шахову городу, ко Ляхову,
Ко тому королю да ляховиньскому.
Становили бы они да как добрых коней,
Заходили бы они да во светлу грыню.
Заходил-де Дунай да во светлу грыню —
Ище крест-от кладёт да по-писанному

Да поклоны-ти ведёт да по-уценному:
«Ище здрастуй, король, да нонь по-старому!» —
«Да поди-тко-се, Дунай да сын Ивановиц,
Да служи-тко, Дунай, да ты по-прежнему!»
Говорил-де Дунай да таково слово:
«Уж ты ой еси, король да ляховиньской мой!
Не по-старому приехал да не по-прежнему —
Да приехал нонь я к тебе как сватацьсе!
Ище есь у мня жених — да Владимир стольне-киевской,
Есть невеста — Опраксея у тя королевисьня;
Да нельзя ле будёт да их вместо свести?..»
Отвещал ему король да ляховиньской нонь,
Отвещал где король да яму с грубосью.
Ище тут-де Дунай да призадумалсэ;
Говорыл где Дунай да таково слово:
«Да не дашь нам добром — да возьмём силою!»
Да пошли где они да как из грыни вон,
Отпирали все двери да нонь широкия
Да взяли Опраксею за белы руки,
Повели где Опраксею из горници.
Ище тут где она да слезно плакала:
«Ище ой еси ты, как отець родной!
Да умел-то ты да где спойть-скормить —
Не умел-то ты в замужесьво поведати!»
Повели Опраксею на широку улицю,
Да пошли где они да как в торговой ряд:
Нагрузили они ей да платья светноё,
Нагрузили они платья — да как три сумы.
Ище сел-де Добрынюшка попереди,
Опраксею посадил да как позади нонь,
Отпустились они в дорогу дальнюю.
Ище едут-де они да по чисту полю,
Да увидели они, да на чисто поли
Ище ископыти лёжат — да ровно люта печь:
Да проехала поленица да приудалая.
Ище тут-то Дунай да ему передал —
Сам отправилса Дунай да позади за ей.
Ище ехал Добрыня да в стольне Киев-град —
Приезджал бы Добрыня в стольно Киев-град.

Собирал где Владимир-от поцесьён пир,
Да повёл где Владимир-от как свадьбы быть.
Повенцали Владимира с Опраксеей;
У Владимира так свадьбу да так ведь кончили.
Наеждал бы Дунай да на чистом поли
Ище ту же поленицу да приудалую.
Розоставили они да бел хорош шатёр,
Ище нацели они да опоцев доржать.
Пробужалса Дунай да от крепкого сну.
Загорел-то ведь тут да как рокитов кус<т>,
Да кругом ле куста да как рокитова
Ище лютая змея да увиваицьсе.
Говорыла бы змея да руським языком:
«Уж ты ой еси, Дунай да сын Ивановиц!
Розувай-ко ты, Дунай, да со правой ноги сапог,
Заливай-ко ты, Дунай, да как ракитов кус<т>,
Ище вынеси ты маленьких змеёнышков!»
Тому слову Дунай да не ослушилсэ.
Говорыла Настасея да таково слово:
«Ты не делай, Дунай, цто не надобно!»
Не послушал Дунай да как ее речи:
Поцерпал где сапог да ключевой воды,
Заливал-де Дунай да цяс<т> рокитов куст,
Он и выхватил маленьких змеёнышков,
Он и выхватил их да нонь как в живности.
Говорила бы змея да таково слово:
«Уж ты ой еси, Дунай да сын Ивановиц!
Когда будёт нужда — да ты меня спреси!»
Посадилис где Дунай да на добра коня,
Посадила Настасею да королевисьню.
Приеждал-то Дунай да в стольне Киев-град;
Ище принели они да как законной брак.
Да не в то время было да не в ту пору
У того же князя да у Владимира
Заводилосе столованьё, почесьён пир,
Да про всих где князей да нонь про бояров,
Да про сильних-могущих да нонь богатырей,
Да про палениц да приудалыя,
Да про тех же купцей-людей торговыя,

Да про тех же хресьянушок прожитосьних.
Подавал где Владимир по цяры зелена вина,
Подавал где Владимир-от по второй,
Подавал где Владимир-от по третьей нонь.
Ище долог-де день идёт ко вечеру —
Ище весёл где пир идёт навесели.
Красно солнышко катилось ко западу,
Ище к западу катилосе — ко закату.
Как Дунай-от с хозяйкой да приросхвастались
Да во метоцьки они да как стрелятисе;
Выходили на широку да они улицу.
Да застрелила она — да как метне ёго.
Ище тут-то Дунаю да за беду стало,
За великую досаду да показалосе.
Да один-от бы раз — до ей не дострелил,
Ище втор-от бы раз — да ей перестрелил,
Ище треть-ёт-де раз — да всю застрелил:
Да рошшиб у ее да око правоё —
Ище с этого она да помирала нонь.
Ище заповеди кладёны у их не малыя:
«Да которой-де помрёт — другой живой легци».
Да построили домовищо да белодубово,
Щобы легци и обоим нонь, да как и стать можно.
Закопали бы Дуная да во сыру землю —
Ище нонь у Дуная да где славы поют.
Приходила тут к ему да змея лютая,
Протоцила бы землю да нонь норой прошла.
Выходил-то Дунай да нонь на белой свет.
Да ушла его хозяйка да нонь беремянна;
Да родилосе у ей да там два мальчика:
По локот у их да руки в золоти,
По колен где у их да ноги в серебри.
Ище тут где Дунаю да делать нецего.

(Зап. А. Д. Григорьевым 6 августа 1901 г.: д. Большие Нисогоры <Юромской вол.> — от Мартынова Александра Михайловича, по прозвищу Олёкса Большой (из д. Малые Нисогоры), 73 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.